

Сегюр Филипп Поль

Поход в Москву в 1812 году

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф53

Ф53 **Филипп Поль С.**
Поход в Москву в 1812 году / Сегюр Филипп Поль – М.: Книга по Требованию, 2023. –
236 с.

ISBN 978-5-519-85163-3

ISBN 978-5-519-85163-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВСТУПЛЕНИЕ

Виконта Е.—М. де-Воюэ.

Утромъ 18 Брюмера VIII года (9 ноября 1799 г.) молодой человекъ 19 лѣтъ стоялъ прислонившись къ рѣшеткѣ Тюильрійскаго сада. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Понтъ-Турнанъ соединяетъ прежній королевскій садъ съ площадью Революціи, нынѣ Согласія. Юноша смотрѣлъ съ враждебнымъ любопытствомъ на движеніе войскъ, строившихся подъ деревьями, на расхаживаніе штабныхъ офицеровъ, которые спѣшили на улицу Шантеренъ или возвращались оттуда, предшествуя генералу Бонапарту или слѣдуя за нимъ.—Появился Баловень Судьбы, обратился съ рѣчью къ солдатамъ, стоявшимъ въ саду, направилъ свою лошадь къ Тюильрійскому дворцу, гдѣ онъ собирался отдать свои приказанія Совѣту Старѣйшинъ. Въ сердцѣ ребенка, смотрѣвшаго на будущее, проходившее мимо него, было лишь смятеніе и отчаніе—ужасная борьба чувствъ. Опустошенная и измученная душа этого существа отражала тревогу города, въ которомъ нарасталъ мятежъ,—тревогу толпы, стекавшейся на площадь.

Душа, истомленная своими личными волненіями, какъ эта толпа, подобно ей была готова признать владыку, который заплатилъ бы ей за это, давъ смыслъ ея существованію и сообщивъ направленіе ея безпорядочной дѣятельности.

Разоренный, не имѣющій занятій несчастный, весь горящій великими мечтаніями, воспламеняясь которыми его пылкая натура перебрасывалась поочередно отъ свѣтскихъ успѣховъ къ политикѣ во имя то литературы, то оружія,—этотъ молодой человекъ носилъ, словно бремя, служившее лишь къ его гибели, одно изъ блестящихъ именъ прежняго разрушеннаго общества. Внукъ маршала Фран-

ції, военного министра временъ Людовика XVI, того Сегюра, который отличился своими геройскими подвигами при Лауфельдѣ и Клостер-кампфѣ, сынъ графа Луи-Филиппа де-Сегюра, посланника въ Россіи, дававшего тонъ остроумію и изяществу при Версальскомъ дворѣ, плѣнявшаго Екатерину Великую въ Петербургѣ, дѣлившаго ея милости и расположеніе съ блестящимъ принцемъ де-Линь, этотъ несчастный, прижавшійся къ рѣшеткѣ Тюильрійскаго сада съ трудомъ зарабатывалъ свой хлѣбъ, сочиняя водевили и стишки для газетъ.

Родившійся въ 1780 году, онъ, будучи двѣнадцатилѣтнемъ мальчикомъ видѣлъ всѣхъ своихъ разоренными и осужденными терроромъ: дѣдушку маршала брошеннаго въ темницу Ла-Форсъ, — старику лишь чудомъ удалось избѣгнуть гильотины, — отца, которому ежедневно грозила та же участь, — въ деревенскомъ домикѣ Шантенуа, куда графъ скрылся и гдѣ онъ воспитывалъ своихъ сыновей въ бѣдности и въ страхѣ за завтрашній день. Ребенокъ пробуждался къ жизни при грохотѣ разрушенія страны и того общественнаго порядка, при которомъ онъ былъ бы однимъ изъ счастливѣйшихъ избранниковъ. Революція угрожающе рычала въ его ушахъ подобно непостижимому чудовищу, надѣленная къ тому же такой силой разрушенія, что онъ, ненавидя ее, испытывалъ на себѣ ея вліяніе и чувствовалъ, что его внутренній міръ разрушается такъ же, какъ и внѣшній, что онъ лишается всѣхъ увѣренностей прошлаго, всѣхъ точекъ опоры, даваемыхъ совѣстью и разсудкомъ.

Въ великолѣпномъ предисловіи къ своимъ «Воспоминаніямъ» Филиппъ де-Сегюръ разбираетъ съ краснорѣчивой проницательностью этотъ нравственный кризисъ своей юности и онъ говоритъ намъ, что многіе изъ его современниковъ пережили то же самое.

«Всякая вѣра была потрясена, всякое направленіе утратило свою ясность и свою цѣль и чѣмъ вдумчивѣе и чѣмъ отважнѣе были юныя души, тѣмъ больше блуждали онѣ и утомлялись, не находя поддержки въ этомъ безконечномъ туманѣ, въ этой безграничной пустынѣ, гдѣ ничто не сдерживало ихъ заблужденій, гдѣ многіе въ концѣ концовъ падали и разочарованные снова уходили въ самихъ себя, видя сквозь прахъ обломковъ лишь одну опредѣленность — смерть. Вскорѣ передъ моими глазами предсталъ ея вырастающій призракъ, какъ единственная неоспоримая истина, вытекавшая изъ этой пустоты. Во всемъ и повсюду я видѣлъ лишь ее... И такъ душа моя погибала, унося все остальное: я изнемогалъ, я жалко и бессмысленно шелъ къ концу»....

Страшное совпаденіе! Вблизи домика Шантенуа, гдѣ отчаявшійся юноша разбирался въ своей неопредѣленной тоскѣ и не видѣлъ иного

спасенія, кромѣ самоубійства, другой потерпѣвшій крушеніе въ Революцію, виконтъ де-Шатобріанъ, собирався въ непродолжительномъ времени уединиться въ своемъ домѣ въ Савиньи, чтобы окончить свое сочиненіе *Révé*,—едва замаскированную автобіографію, въ которой изображалъ въ такихъ же выраженіяхъ «недугъ Вѣка».

Сравните «*Révé*» съ первой книгой «Воспоминаній» Сегюра: вамъ покажется, что передъ вами два портрета одного и того же лица. Самый искренній и самый возвышенный изъ нихъ двухъ, быть можетъ, не тотъ, кто является наиболѣе знаменитымъ.

Это отвращеніе къ жизни, которое выросло въ душѣ Филиппа въ послѣдніе дни Директоріи, было ничто иное, какъ неудовлетворенная жажда дѣятельности. Онъ тщетно пытался забыться то при помощи литературнаго успѣха, созданнаго его нѣкоторыми работами, встрѣтившими одобреніе, то въ страстяхъ реакціонеровъ, нетерпимость которыхъ онъ утрировалъ; припадки отчаянія, еще болѣе гнетущіе, возвращались снова. Онъ переживалъ одно изъ подобныхъ состояній, въ то утро Брюмера, когда остановился около Тюильрійскаго сада.—Вдругъ открылась рѣшетка у Понтъ-Турнанъ и оттуда галопомъ выѣхалъ полкъ: то были драгуны Мюрата, собиравшіеся занять Сенъ-Клу. Потрясающее впечатлѣніе, произведенное на молодого человѣка этимъ видѣніемъ, было подобно тому, которое пережилъ Павелъ на пути въ Дамаскъ. Онъ почувствовалъ, что какая-то непреодолимая сила влечетъ и уноситъ его вслѣдъ за этими солдатами-революционерами, которыхъ онъ ненавидѣлъ нѣсколько часовъ тому назадъ. Черезъ нихъ проникалъ въ него магнетизмъ героя, къ которому стремилось его сердце, и, казалось, что голоса всѣхъ предковъ зывали къ Филиппу, говоря, что его искупленіе здѣсь, въ рядахъ этого полка: «При видѣ этой военной картины, кровь бойца, унаслѣдованная мною отъ предковъ, закипѣла во всѣхъ моихъ жилахъ. Мое призваніе опредѣлилось: съ этого момента я сталъ солдатомъ; я мечталъ лишь о битвахъ, пренебрегая всякой иной карьерой». Нѣсколько дней спустя, несмотря на сопротивленіе близкихъ и на негодованіе возмущенныхъ друзей, онъ вступилъ во вновь сформированный гусарскій полкъ Бонапарта. Нѣкоторое время онъ питалъ химерическую надежду «склонить къ роялизму» консульскую армію. И вскорѣ онъ сталъ преданъ тѣломъ и душой обаятельному генералу.

Первый Консулъ, довольный тѣмъ что ему удалось вырвать этого рекрута изъ враждебнаго лагеря, сразу произвелъ его въ лейтенанты. Въ нѣсколько лѣтъ онъ достигъ высшихъ чиновъ, благодаря мужеству, съ которымъ онъ жертвовалъ собой въ битвахъ. Опасно ране-

ный при Соммо-Сьерра командиръ де-Сегюръ былъ перенесенъ изъ Испаніи на ложѣ изъ тѣхъ самыхъ знаменъ, которыя онъ имѣлъ честь въ послѣдствіи преподнести законодательному собранію. Будучи адъютантомъ Императора, въ 30 лѣтъ генераломъ, находясь почти всегда возлѣ Наполеона, Сегюръ служилъ ему до послѣдняго дня и имѣлъ возможность близко его изучить. Имперія пала, онъ сложилъ свою шпагу и снова взялся за перо своей юности, но не для изображенія легкихъ вымысловъ, а чтобы повѣдать эпопею, которой онъ былъ свидѣтелемъ и дѣйствующимъ лицомъ. Его исторія войны съ Россіей, появившаяся въ 1824 году, приобрѣла тотъ выдающійся яркій успѣхъ, котораго заслуживало это щемящее напоминаніе о героизмѣ и страданіяхъ Великой Арміи; десять изданій послѣдовали одно за другимъ менѣе чѣмъ въ три года. Авторъ былъ избранъ членомъ Французской Академіи въ 1830 г.; тамъ онъ встрѣтился со своимъ отцомъ, многочисленныя историческія работы котораго были въ то время весьма распространены. Въ теченіе тѣхъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, которые оставалось прожить старому графу, обоимъ собратамъ по перу, отцу и сыну, казалось, что они возвращаются къ тѣмъ днямъ Директоріи, когда въ ихъ домикѣ въ Шатенуа ихъ объединяла общая работа, дававшая имъ средства къ существованію. Филиппу пришлось засѣдать въ Академіи сорокъ три года. Воинъ, котораго не разъ, какъ мертвого, покидали на поляхъ сраженія, достигъ глубокой старости; онъ умеръ въ 1873 году. Онъ посвятилъ свои долгіе досуги составленію семи томовъ «Воспоминаній», которые обнимали собой весь періодъ Имперіи. Эти «Воспоминанія» были напечатаны лишь по смерти генерала въ 1873 г.

Если бы всѣ труды, которые мы имѣемъ о Наполеонѣ и его времени, должны были бы завтра исчезнуть и если бы можно было сохранить изъ нихъ лишь одинъ, я, не колеблясь, скажу, что нужно было бы выбрать капитальное изслѣдованіе Сегюра, какъ самое поучительное и наиболѣе вѣрно изображающее чувства эпохи и великую личность, наполнившую собой эту эпоху. Тѣмъ не менѣе это произведение въ цѣломъ не имѣло сначала той счастливой участи, которая выпала на долю одной его части, изданной въ эпоху Реставраціи подъ заглавіемъ «Исторія Наполеона и Великой Арміи въ 1812 году». Я ссылаюсь на превосходный «Библиографическій указатель французской литературы съ 1800 по 1906 г., которымъ мы обязаны профессору Мичиганскаго университета Гуго Тъэму. Мы не можемъ въ достаточной мѣрѣ восхвалить почти непогрѣшимую освѣдомленность американскаго ученаго: его списокъ перечисляетъ всѣ малѣй-

шія произведенія нашей литературы; пропуски, на которые можно было указать, весьма рѣдки. Г. Гуго Тъэмъ даетъ длинный перечень произведений графа Луи-Филиппа де-Сегюра, отца генерала, онъ отводитъ много мѣста книгамъ, написаннымъ другими членами этой семьи. (Извѣстно, что представителемъ является въ настоящее время этой семьи при Французской Академіи мой собратъ по перу маркизь Тьеръ де-Сегюръ, историкъ XVIII вѣка, стяжавшій себѣ европейскую извѣстность). Лишь одного писателя этого имени не хватаетъ въ «Библіографическомъ указателѣ»: генералъ и его «Воспоминанія» тамъ забыты. Оплотность библіографа иностранца весьма простибельна: обширная «Исторія французской литературы», изданная когда-то подъ редакціей покойнаго Пети де-Жюльвиля въ сотрудничествѣ съ учеными профессорами Сорбонны, упоминаетъ лишь одинъ разъ о генералѣ Филиппѣ де-Сегюрѣ, отводя ему пять строкъ по поводу Наполеона и Великой Арміи. Эта книга тоже игнорируетъ «Воспоминанія». Можно подыскать такой несправедливости различныя правдоподобныя объясненія. Это произведение появилось въ 1873 году при жизни Адольфа Тьера, руководившаго мнѣніями Франціи. Его громкое имя было закономъ всюду, гдѣ только вопросъ касался наполеоновской эпохи; онъ деспотически царствовалъ въ этой области нашей исторіи и не терпѣлъ никакого вмѣшательства, никакого новаго освѣщенія. Онъ придерживался того мнѣнія, и всѣ съ нимъ соглашались, что его книга заканчиваетъ собой всѣ изслѣдованія по этому вопросу.

Критикѣ было невыгодно досаждать лицу, столь могущественному въ литературной республикѣ. Съ другой стороны первая имперія была въ немилости три года спустя послѣ злополучнаго паденія второй. Двѣнадцать или пятнадцать лѣтъ должны были пройти для того, чтобы отвращеніе или по крайней мѣрѣ равнодушіе къ имени Наполеона уступили мѣсто возродившемуся увлеченію эпической Легендой, почтенію къ военнымъ воспоминаніямъ, отрытымъ въ большомъ количествѣ въ послѣдніе годы девятнадцатаго вѣка, въ то время какъ этотъ доживающій вѣкъ со страстнымъ любопытствомъ оборачивался къ своей колыбели. Наконецъ, нѣсколько отжившій стиль генерала, при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ, заставилъ бы улыбнуться читателей Эмиля Золя. Они сочли бы его не искреннимъ и, я думаю, назвали бы его кри-вляк о й. Они вынесли бы иное впечатлѣніе отъ устарѣлой прозы предка, уже нашедшаго себѣ мѣсто и признаніе по истеченіи трехъ четвертей вѣка, но появиться въ качествѣ новинки въ самый разгаръ реализма, натурализма! Представьте себѣ «Мучениковъ» или Путешествіе

изъ Парижа въ Іерусалимъ Шатобріана въ тотъ моментъ впервые появившимися среди французской публики!

Воспитанный на классическихъ авторахъ, Сегюръ явно стремится подражать манерѣ Фукидида и Тита Ливія. Онъ любитъ краснорѣчивые обороты, онъ приписываетъ порой вымышленные разговоры устами своихъ персонажей. Кромѣ того, какъ всѣ люди его поколѣнія, онъ является ревностнымъ читателемъ и безсознательнымъ послѣдователемъ Руссо. Вотъ почему въ его повѣствованіяхъ есть нѣкоторая напыщенность, привкусъ торжественности и размысленія à la Жанъ Жакъ. Онъ хочетъ быть историкомъ, историкомъ столь великаго челоука, и не снисходитъ до фамиліарной простоты мемуаристовъ безъ претензій. Но подъ одеждой, вышедшей изъ моды, внимательный взоръ быстро различитъ жизненность, драматическое движеніе, глубокій реализмъ этихъ правдивыхъ свидѣтельствваній; умъ захватывается ими съ возрастающимъ интересомъ. Нынѣ несправедливость искуплена. Наша новая историческая школа постигла важность и оцѣнила прелесть этого безподобнаго документа, она вернула ему почести и заставила публику, все болѣе и болѣе освѣдомленную, уважать его. Я не хочу сравнивать два столь различныхъ произведенія, но тѣмъ не менѣе не могу не напомнить, что понадобилось около вѣка для того, чтобы исторія Людовика XIV была возстановлена, благодаря Мемуарамъ Сень-Симона. Онѣ читались сначала изъ-подъ полы немногими счастливыми: «Это чтеніе васъ позабавитъ, писала въ 1770 году г-жа де-Деффанъ, хотя слогъ тамъ ужасенъ и характеристики плохи; авторъ не былъ умнымъ челоукомъ»...

Приведшій всѣхъ въ недоумѣніе этотъ шедевръ, написанный языкомъ столь своеобразнымъ въ своемъ великолѣпнн, завоевалъ себѣ извѣстность лишь будучи изданнымъ въ 1829 году. Покойный Альбертъ Сорель, одинъ изъ людей, обладавшихъ наиболѣе глубокимъ познаніемъ и живымъ пониманіемъ наполеоновской исторіи, говаривалъ часто, что повѣствованія Сегюра освѣщаютъ эту эпоху лучше всѣхъ архивныхъ документовъ. Я убѣжденъ, что мой собратъ по перу Альбертъ Вандаль подписался бы вполне подъ этимъ сужденіемъ. Ясныя повѣствованія Адольфа Тьера сообщаютъ намъ факты, прекрасно знакомятъ насъ съ основами Имперіи, освѣщаютъ во всемъ величіи и во всѣхъ подробностяхъ гражданское, военное и дипломатическое устройство при консулѣ и при императорѣ. Но о внутренней сущности гениальнаго созидателя, о томъ, почему и какъ смогъ онъ воздвигнуть новое зданіе въ столь непродолжительное время въ обширномъ пустырѣ развалинъ, на мятежѣ народа, покореннаго словно по волшебству—обо всемъ

этомъ Тьеръ даетъ намъ лишь догадки и разсужденія. Сегюръ обнаруживаетъ это передъ нами въ проникновенномъ, мимолетномъ видѣніи. Благодаря Сегюру, мы становимся современниками чуда и переживаемъ тѣ чувства, которыя дѣлали его возможнымъ. Ибо это великое чудо, еще и нынѣ съ трудомъ нами понимаемое и интересующее насъ больше, нежели рассказы о битвахъ,—является неожиданнымъ и полнымъ возрожденіемъ націи, только что яростно разрушившей всѣ вѣковые устои, восторженнымъ отреченіемъ отъ свободы, отданной въ руки маленькаго офицера корсиканца, провозглашеніемъ новаго Цезаря, наступившимъ едва пять лѣтъ спустя послѣ заключительныхъ революціонныхъ сатурналій, продолженныхъ анархіей Директоріи. Сегюръ даетъ намъ ключъ къ этой волнующей загадкѣ, открывая намъ свою личную тайну. Я долго распространялся—пусть мнѣ простятъ это,—о юности воина-писателя, о его внутреннихъ переживаніяхъ, о томъ рѣшающемъ моментѣ, когда его душа неожиданно переродилась, его жизнь пошла по направленію, противъ котораго онъ возсталъ бы наканунѣ. Я останавливался на этомъ потому, что онъ мнѣ казался въ тотъ моментъ чѣмъ-то въ родѣ символа, прекрасно характеризующаго націю, какъ и онъ, переродившюся, покоренную и брошенную однимъ порывомъ, силами прошлаго къ ногамъ покорителя. По этому сердцу мы воспринимаемъ перемѣну, произошедшую во всѣхъ сердцахъ.

О самомъ императорѣ Сегюръ освѣдомляетъ насъ лучше и полнѣе, чѣмъ всѣ другіе свидѣтели. Будучи близкимъ къ нему, занимая мѣсто, которое давало ему возможность все видѣть, онъ наблюдаетъ его въ теченіе пятнадцати лѣтъ любящимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проникательнымъ взглядомъ, онъ позволяетъ намъ ощущать, если можно такъ выразиться, то ускоренныя, то замедленныя пульсаціи генія до того самаго дня, когда этотъ вѣрный слуга съ горечью убѣждается въ прогрессирующемъ упадкѣ своего повелителя. Для тѣхъ, кто требуетъ отъ исторіи прежде всего психологической освѣдомленности, разоблаченія тайны толпы и души великихъ людей,—Воспоминанія генерала являются несравненнымъ источникомъ познанія. . . .

.
1812 годъ! Отступленіе изъ Россіи! Это кульминаціонный, трагическій моментъ эпопеи, когда воображеніе всѣхъ было поражено смертельнымъ ужасомъ, привлечено и возмущено героическимъ безуміемъ, исполнено восхищенія предъ необычайной военной доблестью, охвачено ужасомъ предъ зрѣлищемъ страданій и бѣдствій, при мысли о которыхъ приходится изумляться тому, что люди ихъ пережили. Сегюръ былъ однимъ изъ этихъ все пережившихъ. Онъ былъ слишкомъ

хорошо воспитанъ для того, чтобы занимать своихъ читателей разсказами о самомъ себѣ, но его товарищи по несчастью передавали, съ какимъ стоицизмомъ переносилъ великое испытаніе генералъ, который каждое утро брился среди снѣговъ бивуака и поддерживалъ другихъ примѣромъ своего душевнаго равновѣсія. Благодаря этому, онъ сохранилъ нетронутой свою обычную наблюдательность, онъ видѣлъ все и сумѣлъ передать тѣ тяжелыя сцены, которыя большинству его товарищей представлялись въ какомъ-то кошмарномъ туманѣ.

Съ первой же страницы его разсказъ захватываетъ своимъ драматическимъ подъемомъ, который не ослабѣваетъ ни на одно мгновение: это—потрясающее выступленіе Великой Арміи, двинувшейся, чтобы возобновить сказочные подвиги Александра Великаго, увлекавшей за собою представителей всѣхъ народовъ Европы, которыхъ она собиралась вести къ границамъ Азіи.

Вскорѣ наступаютъ первыя разочарованія: дикое сопротивленіе жителей и климата Россіи, безнадежное преслѣдованіе убѣгавшаго врага, противопоставившаго французскому натиску пустоту Смоленска, возникающія сомнѣнія и ропотъ благоразумныхъ начальниковъ, низкіе происки маршаловъ Бертье, Нея, Даву и Мюрата. Наполеонъ какъ бы уступаетъ благоразумнымъ совѣтамъ, скрываетъ съ чисто итальянской хитростью, разгаданной Сегюромъ, свое рѣшеніе двигаться впередъ. Оно беретъ верхъ, онъ ослѣпленъ миражемъ, влекущимъ его къ предѣламъ пустой степи, гдѣ онъ обѣщаетъ уничтожить, наконецъ, своего противника. И это была Московія—непрерывная битва, въ которой побѣда не доставалась ни тѣмъ, ни другимъ, поле рѣзни, гдѣ каждая изъ двухъ армій располагалась по вечерамъ на горахъ труповъ. Можно сравнить разсказъ француза, который широко охватываетъ и группируетъ всѣ факты съ тонко исполненными и реалистическими картинами Толстого въ той главѣ «Войны и Мира», гдѣ онъ, при помощи совершенно иныхъ пріемовъ искусства, описываетъ бѣдствія того дня. Я бесѣдовалъ однажды съ русскимъ священникомъ села Бородина, который говорилъ со мной о видахъ на будущій урожай, составляющихъ обычную заботу земледѣльца. Въ томъ году урожай не обѣщалъ быть особенно хорошимъ. Священникъ небрежно замѣтилъ: «Во времена моего дѣтства рожь была гораздо обильнѣе, наша почва надолго получила хорошее удобреніе»...

Сегюръ отмѣчаетъ у императора то нѣкоторое ослаблѣніе вниманія въ самыя критическія минуты, то какую-то фаталистическую рѣшимость, то совершенно небывалую въ немъ неувѣренность передъ

отдачей нѣкоторыхъ спѣшныхъ приказаній. Это было уже затмѣніе того пронизательнаго взора, который рѣшалъ побѣды при Маренго и Аустерлицѣ. Это были послѣдствія болѣзни Наполеона, говоритъ намъ историкъ, который устанавливаетъ ея первые приступы. Затѣмъ, проглядываетъ лучъ удовлетворенія, вступленіе въ Москву, восхищеніе арміи завоеваннымъ ею восточнымъ городомъ, надежда на миръ, который русскій царь не замедлитъ подписать, и вскорѣ—море огня, затопившее побѣдителей, городъ грезъ, рухнувшій въ костеръ, зажженный Растопчинымъ. Сегюръ съ восхищеніемъ говоритъ объ этомъ странномъ человѣкѣ; онъ безъ колебаній рѣшаетъ вопросъ, вызвавшій столько противорѣчій въ Россіи, онъ воздастъ честь генераль-губернатору за патріотическое преступленіе, въ которомъ Растопчинъ, замкнутый въ своемъ загадочномъ молчаніи, самъ никогда не хотѣлъ сознаться.—Интересное сближеніе! Дочь поджигателя сдѣлалась нѣсколько лѣтъ спустя племянницей французскаго генерала, надругавшагося надъ святой Москвой; графинѣ де-Сегюръ суждено было вплести лишній цвѣтокъ въ вѣнокъ семьи, въ которую она вступила, прелестными книгами, плѣнявшими не одно поколѣніе дѣтей.

Затѣмъ, слѣдуетъ продолжительное отступленіе, бѣгство Великой Арміи, среди окровавленныхъ снѣговъ, шестіе голодныхъ призраковъ, съ каждымъ днемъ уменьшавшихся въ числѣ, ихъ возрастающая тоска и ихъ мрачное отчаяніе, ледяной кругъ дантовскаго ада, расширявшійся передъ ними до безконечности, потомъ переходъ черезъ Березину, предательскую рѣку, въ которой многіе, спасшіеся отъ казачихъ пуль, нашли себѣ ужасную могилу. Затѣмъ—Наполеонъ, покидающій тѣ остатки своей арміи, которые должны были погибнуть среди болотъ Польши... Описанія историка-очевидца вѣрно передаютъ самыя мрачныя краски въ изображаемыхъ имъ сценахъ; они даютъ продолжительное ощущеніе того унынія, которое Мессонье сумѣлъ передать на томъ знаменитомъ полотнѣ, гдѣ маршалы, опустивъ голову, слѣдуютъ за императоромъ по обледенѣлой грязи подъ враждебнымъ небомъ. Я хотѣлъ привести нѣсколько избранныхъ строкъ изъ тѣхъ страницъ этой книги, въ которыхъ особенно ярко проявляется мощь кисти,—но къ чему? Онѣ всѣ одинаковаго достоинства и я не сомнѣваюсь, что сочувствіе читателя оправдаетъ ту похвалу, которую я предпослалъ этой прекрасной книгѣ.

Онъ увидитъ императора тамъ такимъ, какимъ видалъ его пронизательный наблюдатель, заблуждавшійся въ своемъ снисхожденіи, внушающій намъ полную вѣру въ правдивость своихъ сужденій; увидитъ Наполеона, еще не искаженнаго легендой; часами человѣчнаго и чут-

каго; безчеловѣчнаго и сверхчеловѣчнаго, когда онъ предавался демону гордости, безумію своей мечты; генія, то достойнаго самого себя и затрудненій безумной, имъ самимъ созданной задачи, все еще сильнаго своимъ могучимъ вліяніемъ на жертвы, обреченныя имъ на гибель; генія, порою обманывающаго ожиданія своихъ прежнихъ слугъ, разбитаго бурей и несознававшагося въ этомъ, приближавшагося къ своему закату, подстерегаемаго болѣзнью, ускользящаго бѣгствомъ отъ своихъ подданныхъ и солдатъ, которые въ свою очередь ускользали изъ-подъ его вліянія, уменьшавшагося благодаря отступленію. Передъ этими характеристиками, которыя даютъ намъ впечатлѣніе жизни, жизни исключительной, но реальной и вполне постижимой, читатель признаетъ, безъ сомнѣнія, что художникъ не переоцѣнивалъ своего произведенія, когда въ заключительныхъ словахъ предисловія къ своимъ «Воспоминаніямъ» онъ писалъ: «Здѣсь увидятъ героя въ человѣкѣ и человѣка въ героѣ, увидятъ его могучее вліяніе на поколѣнія, послѣдніе остатки которыхъ готовятся угаснуть».

Виконтъ Е. М. де-Вогюэ.

